

ПРОЗРЕНИЕ

(Из цикла «Воспоминания о будущем»)

Всадник скакал в багровый закат сквозь полосы низового тумана, повисшего над полем битвы. Копыта его коня поднимали чёрную зимнюю пыль с ошмётками пропитанного кровью павших друзей снега – они ушли тропой предков, забыв его здесь. Знак его высшей чести – именной хуан магуа из рук Сына Неба – ещё долго таял в бурых холмах, вспыхивая золотой точкой в лучах солнца, прорывающегося сквозь разрывы туч, покуда от неё не начал расти иероглиф «Свобода» и, словно отвечая ему, частицы крови не стали сливаться в титры:

«Имперский жёлтый жакет. Фильм Сяо Имоу. Режиссёр-постановщик Сяо Имоу. Сценарий...»

Вытягивая аорту из груди и нервы, перевитые в жгуты, из предплечий, затянул финальную композицию сямисэн, обрамлённый редким ритмом каменного барабана. Не выдержав напряжения, он остановил кино, потянулся за стаканом, наполовину полным дешёвой водки, снял чугунные ноги с табуретки и, так и не скинув униформу, вышел на балкон, разминая в пальцах эрзац-сигарету. За спиной автораном включившийся классик напевал *Wish you were here*.

Докурив, он раздражённо выбросил сигарету в желтеющий внизу мартовский снег, так и не отправив на язык накотившую мысль. Весеннее небо серой плитой опиралось на его город.

Он зашёл в комнату – шаффл выкинул следующую песню из прилагавшейся к фильму саунд-подборки – и отрешённо посмотрел на Друга. Друг лениво пучил глаза, поводя плавниками. Он подсыпал ему корма, упал в кресло и набрал номер.

Семь гудков.

Он нажал отбой, всё ещё пытаясь взглядом загипнотизировать рыбу. Вырвать из неё хоть звук. Рыба тупо пялилась куда-то, не обращая внимания на его мысленный крик. Волна ярости

накатила на него, обдав горячим потом между лопаток, он вскочил, подошёл к аквариуму и вынул Друга из воды.

Прохладная струйка побежала по локтю.

– Ну что, дур-ра, хоть сейчас что-то скажешь? – Процедил он сквозь зубы в её бьющийся в удушье рот. – Скажешь, тварь?! – Он распахнул балкон – ворвавшийся холодный ветер зазвенел китайскими колокольчиками и продолжил гнуть ветви полумёртвых вязов и американских клёнов, стуча монотонной капелью в стеклопакеты и бетонные плиты соседних домов. Тщедушное тельце Друга корчило в ладони золотым комочком вздрагивающей чешуи – единственным пятном цвета в его поле зрения. Поглядев на вспыхивающие смертью жабры, он вернулся назад и осторожно опустил рыбу в воду.

– Жизнь за жизнь? – Спросил он её, заметив своё отражение в зеркале за линией яшм и листовитов. Отражение было чужим.

Глядя в зрачки, он сделал пару шагов вспять и снова рухнул в кресло.

Веки устали.

Глаза, скользнув по полу, зацепились за оранжевое пятно проступившей старой краски.

Он смотрел на него долгую сотню тактов заигравшего Вечного света.

«Нужно встать», – наконец, ему удалось сформулировать вяло бившуюся в круге черепа мысль. Единственная, кто его послушалась – рука – потянулась к телефону и вновь набрала её номер. После шести бесконечных гудков в трубке наступила тишина.

– Привет, – смочив кое-как горло слюной, произнёс он. Послышалось – или примстилось – невнятное:

– Здравствуй.

– Как ты? – Смог вымолвить он и, не услышав пару безумно долгих мгновений ответ, продолжил, – знаешь, я тут посмотрел клёвый фильм... О предательстве высшей пробы... Пришёл со смены и как-то сразу почему-то включил и смотрел, не отрываясь... Суперский. А ещё в какой-то стране есть закон, запрещающий держать рыб в круглых аквариумах, потому что они тогда не видят ничего в мире, кроме стенок и отражений. Прикинь, на меня чё-то нашло, и я, блин, решил показать ей мир. Чуть не убил, прикинь?! А ещё... айда прогуляемся, поваляемся в снегу... Хочешь, я приеду?.. Ну, скажи хоть что-то, не молчи! – Закричал он в своей голове, осознавая, что диалог будет таким – и никаким иным, что язык прилип к гортани, и что он целых несколько секунд не делал вдоха.

Прочистив связками горло, он произнёс:

– Прости. Я тебя люблю.

Тишина в трубке не зашипела даже белым шумом.

– Я не могу тебя любить и не хочу ненавидеть, – прошептал он и добавил чуть громче, – прощай. В обоих смыслах.

В трубке послышались долгожданные, приносящие облегчение гудки, врываясь в бесконечное рондо виолончели, задающей ритм его окончательно онемевшей пустоте, в которой заговорил – наконец-то – его бог:

– Бип. Бип. Бип.

Тело оплавилось тяжестью, глаза потеряли пятна цвета в сгустившихся сумерках, скрипки вырвались из ямы звука, заставлявшей Друга биться в истерике своей, оказавшейся ничтожной, вселенной, литавры грянули аритмией у основания черепа – его правая рука обрела сил ровно настолько,

чтобы вынуть пистолет из кобуры, – и продиктовали, вторя ввинчивающимся в истуженные бронхи флейтам и гобоям: «Смерть не имеет значения. Жизнь имеет значение».

Прохлада металла коснулась его горла, палец, лежавший на курке, налился свинцом, пока взбесившийся оркестр камлал ко всем предкам, ожидавшим его в кругу друзей и преданных склепов в высшей точке рвущегося из-под кожи данс макабра.

Друг шевелил жёлтыми плавниками, впервые в жизни глядя сквозь стекло.

КИНО

– Не откажите мне в любезности принять сей скромный букет!

– О, Вы, как всегда, верх галантности, господин Имоу!

– Сяо, с Вашего позволения, – улыбнулся рослый мужчина в классическом фраке и с проседью в смоляных волосах, усаживаясь на заднее сиденье представительского «Хунци». – Моя галантность – лишь отражение Вашего очарования, госпожа Суфихэ!

– Вы мне льстите, господин Сяо, – ответила девушка, скрывая лёгкий румянец в аромате букета и украдкой бросая взгляд на ухоженные ногти её визави. – Лилии чудесны. Сесе.

– Вы оказываете мне честь, общаясь со мной на языке моего народа, госпожа Суфихэ.

– Ну, что Вы, господин Сяо, моё знание языка слишком далеко от совершенства, – с лёгким смущением склонив голову, она положила букет на чёрный шёлк платья. – Если позволите, перейдём к обсуждению наших вопросов?

– Меня всегда восхищала Ваша деловитость, уживающаяся с истинным знанием благородных манер, – глубоким долгим кивком не допуская двусмысленности, поддержал её предложение Имоу. – Конечно, нужно успеть обсудить – дорога коротка... Прежде всего, от имени нашей службы и себя лично я приношу соболезнования в связи с неожиданно высоким ростом уровня самоубийств у вас. Мы никак не могли предположить, что наши акции повлекут такие последствия.

– Мы признательны Вам, господин Имоу, – выдержав короткую паузу, официально ответила девушка. – Должна заметить, что не вижу в этих инцидентах вины вашей стороны. В социально значимых группах населения рост суицидов находится в пределах статистической погрешности – с учётом сезонной депрессии. А Вы знаете, какие скверные в России межсезонья, – полуулыбкой она принесла извинения за климат. – К тому же, «год русского рока» был давно запланирован психологической контрразведкой для... скажем так, для выявления лиц, проявляющих признаки... низкой гражданственности. Кто же знал, что министерство простимулирует усиление ротации неведомо откуда взявшегося «Грибоедовского вальса», и «императорский серый сюртук» наложится на Ваш гениальный «Имперский жёлтый жакет»?! Мы подозреваем измену в недрах Управления «П».

– На месте вашей службы я бы не спешил с выводами, госпожа Суфихэ, – ответил Имоу, откидываясь к спинке и напрягая шею. – Все мы знаем наших

действительных оппонентов, и суицидальный рост у вас явно стоит в одном ряду с известной Вам антикитайской акцией в африканских зонах безопасности. Хотя соглашусь в одном: столь топорная работа может быть проведена либо любителями, либо бесталанными необихевиористами. Надо же до такого додуматься: использовать образ вашего корейского классика – и против нас! – Сяо возмущенно сжал пальцы на серебряном набалдашнике трости. – Неужели они всерьёз надеются столь глупым, – подчеркнул он слово презрительным подёргиванием губы, – способом расстроить наше партнёрство?

– Не думаю, господин Сяо, – девушка склонила взгляд вправо, поглаживая кожу подлокотника. – Нет ли в этом некоего второго дна, как Вы полагаете? Например, они бросили нам вызов, и если мы на него ответим – у них будет повод обвинить нас в эскалации конфликта, получить казус белли? – Софи обеспокоенно перевела взгляд на собеседника.

«С какой целью она задала этот вопрос? Если бы я не знал, что передо мною достойный потомок лисов, удивился бы её наивности, – думал шаньдунец, изображая размышление над сказанным. – В любом случае она слишком для нас ценна – это не тот человек, которому удастся солгать».

– Я раскрою Вам все карты, мой друг. – Сяо расслабил пальцы, сжимавшие трость. – Мы не можем оставить безнаказанной гибель полусотни наших отборных генетиков и врачей в африканских погромах. Лично я не готов им простить... вынужденный вояж моей семьи через всю Киншасу. – Его взгляд подернулся гневом. – Но мы и не можем постоянно держать наш флот раскиданным от Дакара до Мапуту. Поэтому... поэтому наши лучшие хроматики уже начали внедрение в культурный дискурс Мексики... Передайте Вашему руководству, что мы рекомендуем начать вывод значимых персон с континента.

– Насколько мне известно, там в основном собрались люди с... альтернативным пониманием внутренних процессов моей страны. Но я передам, спасибо. Какой размах акции Вы предполагаете?

– Серхио – Вы его знаете – надеется спровоцировать всю латиноговорящую Америку, от Буэноса до Миссури. Ударить в мягкое подбрюшье, как говорится у вас, – холодно улыбнулся Имоу.

– Серхио? – удивилась девушка.

– Да, тот, чья жена воспользовалась Вашим подарком – теперь у них растёт замечательный сын, – рассмеялся морщинками в уголках глаз Сяо.

– Надо же, как тесен мир... – протянула девушка, при этом подумав: «Серхио, сын... Он что, меня вербует? Не может быть, чтобы так прямо».

– Да, планета слишком тесна. Слишком, – с печалью сжал губы китаец. – Жаль, что приходится действовать так. Видит Бог, я никогда не хотел становиться убийцей...

– Ну что Вы, господин Сяо, – девушка сочувственно прикоснулась к его запястью – сапфир на запонке его манжеты бросил лучи на кремовую обивку салона.

– Простите мою секундную слабость, госпожа Суфихэ. Раз моё творчество затребовано народом и республикой... Все мы солдаты и все мы жертвы. Простите, – глубоко склонился он в извинении, обдав маслянистостью тёплой пряности и цитруса. – Позвольте узнать, как Вам, – вторым полупоклоном подчеркнул личное обращение, спросил Имоу после паузы, – мой новый фильм?

«Вербует или ухаживает?» – Удивилась направленности вопроса София, в последнюю секунду скрывая эмоцию за воспоминанием:

– Знаете, господин Имоу, мой отец был поклонником Вашего великого тёзки... что отчасти передалось мне... Но, несмотря на этот факт, – справившись со своей реакцией, она заговорила свободнее, – скажу Вам искренне: я бы сделала всё возможное, хоть совершила путешествие на запад к драконам Куньлуня, чтобы заслужить жёлтый жакет из рук императора, – рассмеялась девушка, лёгким движением головы откидывая локоны с шеи.

«Умна. Чертовски умна». Имоу захохотал в ответ своим знаменитым трубным смехом.

– Спасибо Вам, госпожа Суфихэ, – сказал он, вытирая проступившие слёзы, – пара Ваших фраз стоит целого концерта Брамса! И я безмерно счастлив, что Вы – друг мой, а не Жана-Беделя Малика!

– Думаете, всё, о чём мы говорили, его работа?

– А это мы узнаем через несколько дней. *Palme d'Or* будет означать, что наш встречный вызов понят и принят. И мы, наконец, поймём, кто у них занимается психологической войной – для того и снимался мой фильм, для того в саундтреке и использованы магрибские интонации.

– Хорошо, буду иметь в виду и следить за новостями... Мы почти приехали, оставьте меня здесь, пожалуйста!

Машина остановилась в полутени на набережной, мужчина помог девушке выйти и, на мгновение дольше, чем того требует этикет, припадая губами к её руке, сказал:

– Бесконечно рад был снова Вас видеть, госпожа Суфихэ. Поверьте, луна над Сучжоу не менее достойна лицезреть Вас, чем луна над Лигурийским морем, – он раскрыл ладонь в сторону восходящего светила. – Берегите себя, мой друг!

– Спасибо, господин Сяо. Вы столь поэтичны... Когда-нибудь я обязательно увижу Тайху... Желаю удачи Вам и Вашему «Имперскому жёлтому жакету»... искреннего человеческого признания...

Её улыбка ещё какое-то время светилась в оставленном ею в салоне шлейфе жасмина с нотками белого кедра, напоминая Имоу об утренних туманах его детства, таивших вдали священную Тайшань, куда сам он, отложив анализ разговора, глядел в набегающие фонари Круазет, вводя себя в официальный транс «спящего тигра».

Она проводила взглядом отъехавший автомобиль – шелест его шин смешался с шелестом пальм, – перешла дорогу, села на скамейку и, решив, что рапорт может подождать, скинула туфли и поставила ступни на слегка прохладный камень парапета. Она не была публичным лицом, а потому могла себе позволить просто прикрыть веки, отдаваясь ласковым лучам луны, звуку тихо бившейся в бухте волны и всё такому же обманчиво мирному, как и сотню лет назад, бризу, доносившему с гор ароматы лаванды и алеппских сосен.